

Известия - 1996 - 15 августа - с. 6

Ирина Шостакович: «Дмитрий Дмитриевич просил меня не писать воспоминаний»

— Ирина Антоновна, трудно ли было быть женой гения, а теперь — его наследницей?

— Женой — легко. Дмитрий Дмитриевич был человек замечательных душевных качеств. Хотя жизнь была довольно сложная... А вот наследницей — невероятно трудно. То, что после его смерти началось, это действительно очень сложно — объем авторских дел возрос, и я сталкиваюсь с проблемами, о которых Дмитрий Дмитриевич даже не подозревал. При его жизни авторское право было под жестоким контролем государства.

— Вы не единственная наследница?

— Нас трое. Еще дети от первого брака — Максим Дмитриевич Шостакович, дирижер, он живет в США, и Галина Дмитриевна, врач-биолог, сейчас она на пенсии, живет в Москве.

Чтобы как-то прекратить пиратство, мы даже организовали маленькое частное издательство «Дмитрий Шостакович», которому принадлежит исключительное право на издание и прокат оркестровых материалов всех сочинений Дмитрия Дмитриевича на территории СНГ и Восточной Европы. Мы решили восполнить хоть как-то урон, который был нанесен музыке Дмитрия Дмитриевича статьями в «Правде» и послевоенными партийными постановлениями.

— Вам приходилось судиться с пиратами и браконьерами?

— Надо бы посудиться, да неохота. Хотя мне довольно часто с адвокатом приходится отстаивать права наследников и доброе имя. Мертвые ведь за себя постоять не могут.

Представляю, как был бы возмущен Дмитрий Дмитриевич, увидев на прилавке некую книгу про женщин в его жизни. Подобное личное потрясение ему, увы, пришлось пережить, когда еще при жизни его тетка издала в Нью-Йорке книгу воспоминаний. Его возмущению не было предела. Оставьте, пожалуйста, живым и мертвым право на частную жизнь, которой

не должны касаться недоброе слово и недоброе око.

— Память о композиторе нельзя отождествлять с музеем, тем не менее подобного научного и публичного факта нет?

— Да, нужен мемориальный музей Шостаковича в квартире, где он жил, но для этого надо куда-то выселить наше издательство и общество любителей музыки Шостаковича. Мэр Москвы вроде доброжелательно относится к проблеме, насколько это увенчается успехом, я не знаю.

Это важно не только ради музея. Важно ради архива. Бывают архивы мертвые, а наш архив постоянно находится в движении, часто обращаются исполнители и музыковеды.

Вот каждый день получаю факсы из самых разных концов света. Недавно в Лондоне поставили оперетту «Москва, Черемушки». Такой замечательный мюзикл получился, идет с огромным успехом.

— А в Москве это можно будет увидеть?

— Надеюсь. Сейчас идут переговоры о возможности участия труппы в «Декабрьских вечерах», которые в этом году будут посвящены Шостаковичу.

— Ирина Антоновна, будь ваша воля, из каких произведений вы составили бы юбилейный концерт Шостаковича для трансляции на весь мир?

— Из произведений, когда-то обреченных. Из его балетов, оперы «Леди Макбет Мценского уезда» и оперы «Нос». Из Тринадцатой симфонии «Бабий Яр», премьера которой состоялась на следующий день после знаменитой встречи художников с Хрущевым. Симфонию «не рекомендовали». Я включила бы Четвертую и Десятую симфонии, романсы на стихи капитана Лебядкина...

— Что чаще всего исполняется в мире?

— Мне кажется, Пятая симфония.

— Какая страна, кроме России,

больше всего слушает Шостаковича?

— Англия и Германия. — В чем исполнении лично вы любите слушать музыку своего великого мужа?

— Сейчас на Западе очень популярен Шостакович. Наши музыканты разъехались по всему миру, и они увезли с собой любовь к его музыке.

Из старшего поколения я бы выделила Квартет Бородина и Мстислава Ростроповича. Много играет Гидон Кремер. Геннадий Рождественский, как выдающийся просветитель, сделал записи малоизвестной музыки Шостаковича.

Из тех, кто помоложе, — Наталья Гутман, Юрий Башмет, Миша Майский, Елизавета Леонская...

— Чем отличаются западные исполнители Шостаковича от русских?

— Западные ищут красоту и концепцию. Нашим больше понятен трагизм его музыки.

— А справедливо ли только трагизм искать у Шостаковича, без конца цитировать его Седьмую, блокадную, симфонию?

— У Дмитрия Дмитриевича ведь очень много и легкой музыки. Он умел шутить и иронизировать над собой, не боясь утратить нимб великого Шостаковича.

У него есть цикл романсов на тексты, опубликованные в «Крокодиле» под рубрикой «Нарочно не придумаешь». Например, некий пенсионер написал, что водитель не сделал по его просьбе остановку в Хохлах, поэтому он врезал в левое жевало этого хама. «Вот какие мероприятия приходится употреблять для изжития хамства». Помню, Евгений Нестеренко замечательно пел эти романсы.

— «Я и Шостакович» — в воспоминаниях о Дмитрии Дмитриевиче сегодня некоторые деятели не стесняются ставить себя на первое место. Вас не огорчают подобные поступки?

— Я к мемуарам средние отношусь. Это всегда больше о воспомина-

теле, чем о вспоминаемом. Я сделала бы скидку для исполнителей, особенно первых исполнителей произведений Шостаковича, которые знали Дмитрия Дмитриевича.

9 августа, в день памяти, мы были на Новодевичьем кладбище и задумались над тем, что практически ушло все поколение его современников. Людей, которые близко знали Дмитрия Дмитриевича, остались считанные единицы, и пусть они говорят все, что считают нужным.

— А вы будете писать мемуары?

— Дмитрий Дмитриевич просил меня этого никогда не делать.

— У Шостаковича есть произведения, вам посвященные?

— Да. Девятый квартет и сюита на стихи Микеланджело.

— А какие из романсов Шостаковича вы больше всего любите?

— На стихи Блока в исполнении Галины Вишневской. Помню, Дмитрий Дмитриевич попросил сделать закладки в книге, что я больше всего люблю у поэта. Я так обрадовалась, так старалась. Но он выбрал все не то. Раннего Блока. И замечательно получилось.

— Вас однажды кто-то сравнил с Ольгой Ивинской. Пастернак позанимался с ней в редакции «Нового мира», и она стала его последней музой. Шостакович вам сделал предложение в 1962 году, когда вы работали литредактором в издательстве «Советский композитор» и готовили к выпуску партитуру оперетты «Москва, Черемушки».

— Это преувеличение. Все, что случилось, должно было случиться. Уже восемь лет не было в живых Нины Васильевны, первой жены Дмитрия Дмитриевича. И я просто стала ему второй женой.

— В одном из писем, которое опубликовано, Шостакович писал: «В моей жизни произошло событие чрезвычайной важности... Мою жену зовут Ирина Антоновна. У нее имеется лишь один большой недостаток: ей двадцать семь лет. В остальном она очень хорошая, умная, веселая, простая, симпатич-

Ирина Антоновна Шостакович в редакции «Известий»
Фото Владимира НОВИКОВА

ная. Носит очки, буквы «л» и «р» не выговаривает. В этом отношении жизнь меня побаловала». А вас он баловал?

— Так вопрос не стоял. Он обо мне заботился. Дмитрий Дмитриевич был одарен редким талантом человеческого участия, которого хватало не только на близких и друзей. У него со всей страны просили помощи. В архиве есть уникальные письма депутату Шостаковичу из Горького, закрытого тогда города. А что он мог?

— Болезней и бед на век гения досталось сполна?

— Первый инфаркт случился, когда готовились торжественно отметить 60-летие. Второй — в 1971-м. Умер Дмитрий Дмитриевич в 1975-м от рака легкого. Многие и многие годы его мучил полиомиелит, не раз он ездил в Курган к Г.А.Илизарову, лечить слабеющие мышцы рук и ног. Может, поэтому он не любил публичность, прессо-конференции, особенно на Западе, где постоянно задавали вопрос: «Как вы пользуетесь методом социалистического реализма для сочинения музыки?».

— А если бы сегодня был жив Шостакович и у него спросили про соцреализм, про то, как он в 54 года подал заявление о вступлении в КПСС и, проходя кандидатский стаж, написал Двенадцатую сим-

фонию, посвященную Ленину...

— Двенадцатая симфония в ад-вокатах не нуждается. «1917 год» — одно из величайших и трагичнейших произведений музыкальной культуры XX века. Кто-то точно сказал о Шостаковиче, что высокомерным молчанием нельзя было помочь по-рабски молчащей России, поэтому он говорил.

Вступить в партию ему настоятельно рекомендовали. Мемуары теперь выходят все сплошь о том, кто и как помогал Шостаковичу.

Я сейчас вспомнила очень умственную шутку, прозвучавшую в Ленинграде на вечере памяти писателя Евгения Шварца: «Все говорят, как я любил, как я дружил... А почему же никто не выступит и не расскажет, как я травил Евгения Шварца?».

— Ирина Антоновна, Дмитрий Дмитриевич разделял пастернаковское «быть знаменитым некрасиво»? Как он относился к президентам и славе?

— Терпел. — Где вы будете 25 сентября? — В Москве, вероятно, вечером на концерте в Большом зале Консерватории...

— Что мы еще не расслышали в Шостаковиче?

— Как он смеялся.

Ядвига ЮФЕРОВА,
«Известия».